

Чикалова И. Р. Гендерная система постсоветской Беларуси: Воспроизводство и трансформация социальных ролей в публичной и частной сфере. И. Р. Чикалова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 51-66

И. Р. Чикалова

ГЕНДЕРНАЯ СИСТЕМА (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ: ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В ПУБЛИЧНОЙ И ЧАСТНОЙ СФЕРЕ

Изучение гендерных систем (совокупности гендерных контрактов, систем гендерных отношений, гендерных композиций) предполагает определенную договоренность о содержании понятия гендер. С точки зрения автора, *гендер* — это система отношений, лежащая в основе стратификации общества по признаку пола. Являясь фундаментальной характеристикой социальных связей (одновременно устойчивых и изменчивых), гендер позволяет создавать, подтверждать и воспроизводить представление о «мужском» и «женском» как категориях иерархического порядка, наделять властью одних (как правило, мужчин) и субординировать других (женщин, так называемые сексуальные меньшинства и т. д.) [1]. Изучение гендерных систем — путь к познанию макро механизмов воспроизводства социальных отношений в ракурсе гендерной стратификации общества.

Введение. Автор рассматривает тендерную систему как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающую представления, формальные и неформальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе, т. е. как совокупность гендерных контрактов. Гендерным контрактом патриархальной системы, соответствующей аграрному и отчасти аграрно-индустриальному периодам в развитии общества, выступает *контракт женщины-домохозяйки* и *мужчины-кормильца*. Тендерным контрактом индустриального общества становится *контракт работающей матери*. Гендерный контракт постиндустриального и постпатриархального общества в идеале должен быть *контрактом равных статусов*. Понимание гендерной системы как совокупности гендерных контрактов с сопутствующими коммуникационными связями между полами и внутри каждого пола подразумевает наличие нескольких основных сфер, внутри которых конструируются социально-половые различия. В их числе политика, профессиональная деятельность, образование, семья, межличностные взаимоотношения.

Тендерная система общества частично является результатом действия стереотипов и традиций, но в значительной степени детерминирована *государственной идеологией и политикой в отношении полов*, то есть той частью общей социальной политики, которая затрагивает интересы женщин и мужчин как крупных социально-демографических групп, формирует их правовой и социальный статус, регламентирует взаимоотношения с обществом. Последняя носит конкретно-исторический характер. Ее содержание и результативность зависят, во-первых, от господствующего в обществе и политической элите понимания гендерных проблем, гендерной идеологии; во-вторых, от типа экономических отношений и уровня социально-экономического развития государства; в-третьих, от характера политического режима, уровня демократии в государстве и обществе; в-четвертых, от позиции и инициативности субъектов государственной политики: властных структур, политических партий, общественных движений, женского и мужского населения. Выделяются консервативно-патриархальный, либерально-патерналистский, либерально-нейтральный, гендерно-сбалансированный типы государственной политики в отношении полов.

Гипотеза. Для аграрной, а затем аграрно-индустриальной Российской империи, частью которой являлись белорусские земли, был присущ *консервативно-патриархатный* тип государственной политики в отношении полов. Для этого периода характерны базовые *гендерные контракты женщины-домохозяйки* и *мужчины-добытчика*. В годы советской власти в условиях интенсивной индустриализации и перехода к индустриальному обществу произошел отход от *консервативно-патриархатного* типа государственной политики в отношении полов и стал осуществляться переход к *либерально-патерналистскому* типу государственной политики в отношении женщин; в качестве магистрального он окончательно оформился в позднесоветский период. Одновременно шло оформление (полностью вытеснившего *гендерный контракт женщины-домохозяйки*) *гендерного контракта работающей матери* в качестве базового и ослабевало значение *гендерного контракта мужчины-добытчика*. Либеральное требование равных прав в публичной сфере было осуществлено, но не созданы условия для *равных возможностей к их реализации* в силу сохранявшихся множественных культурных стереотипов на уровне частного. В постсоветское время господствующим типом государственной политики в отношении полов в Беларуси остается *либерально-патерналистский* в отношении женщин при усилении элементов *гендерно-сбалансированного*. В этот период появляются признаки складывания *гендерного контракта равных статусов*. И мужчины, и женщины не только обладают равными правами и в общественной, и в частной сфере, но в перспективе должны получить и целиком *равные возможности для их реализации*.

Советская Беларусь: контракт работающей матери. К моменту установления советской власти подавляющая часть женщин, особенно сельских (а они составляли подавляющее большинство) была ограничена в своих интересах и действиях замкнутым семейным кругом и находилась в полном подчинении у мужей, была неграмотна, не обладала профессиональной квалификацией. С одной стороны, замкнутость женщин в сфере семьи и личного хозяйства исключала возможность использовать их как источник трудовых ресурсов интенсивно развивающейся экономики. С другой — выводила за рамки тотального партийного контроля. Для создателей нового государства эти факторы представлялись проблемными не столько с точки зрения реализации программных обещаний установить равенство полов, сколько с позиций формирования кадров, способных обеспечить социалистическую модернизацию экономики и общества. Экономические и идеологические императивы побудили советскую власть встать на путь широкого включения женщин в государственную экономическую сферу и общественную жизнь. Достижение этой цели осложнялось несоответствием между выдвинутыми задачами и исторически сложившимся и глубоко укорененным в общественные и семейные структуры неравенством женщин и мужчин, воплощенным в базовых гендерных контрактах *женщины-домохозяйки* и *мужчины-кормильца*. Именно последнее делало очевидным необходимость преодоления патриархатных традиций и стереотипов, бытового раскрепощения женщин, сближения политического, образовательного, квалификационного, статусного уровней женской и мужской частей населения. Для решения намеченных задач создали специальный партийный управленческий аппарат: в конце 1918 г. при ЦК РКП(б) организовали Комиссию по пропаганде и агитации среди женщин. Такие же комиссии действовали и на местах. В сентябре 1919 г. комиссии по пропаганде преобразовали в отделы по работе среди работниц и крестьянок — *женотделы*.

Первые акты советской власти, официально провозгласившие равные избирательные, гражданские и социально-экономические права женщин и мужчин символизировали отход от *консервативно-патриархатной* государственной политики предшествующего периода и представляли в совокупности долгосрочную юридическую базу подрыва патриархатной системы, легитимировавшей неизменно неравное положение женщин. Новая власть начала осуществлять первые мероприятия в рамках *либерально-патерналистской* политики в отношении женщин с акцентом именно на *либеральную* ее составляющую. Конституция БССР,

введенная непосредственно за принятием в 1919 г. Конституции РСФСР, закрепила за мужчинами и женщинами активное и пассивное избирательное право. Декрет о страховании на случай болезни (1917) освобождал городских женщин от работы на 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка, а также закрепил возможность выплаты пособия в размере от четверти до половины заработка в течение 9 месяцев после родов. Декрет о зарплате рабочих и служащих в советских учреждениях (1918) устанавливал минимальную заработную плату и 8-часовую рабочую неделю без различий пола. Первый Кодекс о браке и семье (1918) предусмотрел светский характер брака; равный с мужчинами статус женщин в браке; возможность выбирать фамилию мужа или жены; наделил детей, рожденных вне брака, одинаковыми правами с детьми, рожденными в браке. Декрет об искусственном прерывании беременности (1920) впервые узаконил аборт по желанию женщины. КЗОТ РСФСР (1918), действовавший на территории БССР до 1922 г., запретил женский труд в ночное время и в отраслях, особо опасных для здоровья, установил перерывы для кормления ребенка. Трудовой кодекс БССР 1922 г. установил квоты на увольнение женщин при сокращении штатов, за беременными женщинами и одинокими матерями с детьми в возрасте до одного года признал преимущественное право сохранения рабочего места. Уголовный кодекс РСФСР (1922), действовавший на территории БССР, отменил смертную казнь для женщин.

Законодательные акты установили равенство мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии. Конституция БССР 1927 г., закрепляя политическое равноправие женщин и мужчин, критерием женской «полезности» для общества признала домашний обслуживающий труд: «Правом избирать и быть избранными в советы пользуются ... а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающие для первых возможность производительного труда» (курсив автора) [2, с. 30]. Государственный проект пропорционального представительства разных социальных групп предусматривал привлечение их к работе в органах представительной власти всех уровней, оно обеспечивалось для женщин с помощью резервирования мест в пропорции 33 % — в Верховном Совете и 50 % — в местных советах. Законодательные акты установили равенство мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии. Женщины, особенно рабоче-крестьянского происхождения, получили ряд льгот при поступлении в вузы, что создало благоприятные условия для разворачивания первой волны феминизации сфер образования и интеллектуального труда. Хотя в сети высших учебных заведений¹ в составе студентов и преподавателей в первые годы преобладали мужчины, введенные меры *позитивной дискриминации* изменили ситуацию — на протяжении всего советского периода женщины уверенно наращивали свое присутствие в высшей школе и среди студентов, и среди преподавателей. В БГУ в 1921/22 учебном году на медицинский факультет зачислили 270 юношей и 117 девушек, на факультет общественных наук — 443 и 296 соответственно [3, с. 18, 19]. Особенно быстро феминизировалось высшее педагогическое образование: в начале 1934 г. в педагогических вузах девушки составляли 41,4 %, в начале 1939 — уже 56 %. К началу 1930-х гг.

проявилась тенденция к постепенному росту количества преподавателей-женщин: если середине 1920-х гг. в вузах женщин было только 15,6 % и ни одной с профессорским званием [4, с. 61], то в 1939 г. из 1763 профессорско-преподавательских работников женщин насчитывалось уже 576, что составляло 32,7 % [5, с. 199].

¹ В первые десятилетия советской власти были созданы Могилевский педагогический институт (1918), Горецкий сельскохозяйственный институт (1919), Белорусский государственный университет (1921), Белорусский политехнический институт (1921), Витебский ветеринарный институт (1922), Лесной институт в Гомеле (1930), Минские медицинский (1930), педагогический (1931), юридический (1931) институты, Белорусская государственная консерватория (1932), Витебский медицинский институт (1934), Белорусский институт физической культуры (1937).

Определенные привилегии женщинам создали ситуацию, радикально отличавшуюся от европейской и американской. Гражданки нового государства вошли в сферу образования в период революционной ломки всех традиций, им не пришлось «проникать» в инертные структуры стабильного общества, преодолевая их сопротивление. В СССР и БССР в отличие от Запада процесс феминизации этих сфер имел устойчиво-поступательный характер. Тенденция увеличения доли женщин в сфере просвещения и науки сохранялась на протяжении всей истории развития советского образования, а в отдельные периоды была более интенсивной, нежели у мужчин. В различных отраслях науки появились талантливые женщины, потенциал которых проявился уже после Великой Отечественной войны — историк А. И. Воронова, микробиолог А. А. Язубчик, филологи Л. И. Фигловская и М. И. Жидович. Таланту некоторых молодых женщин-ученых так и не удалось раскрыться в полной мере. Показательной является судьба Анны Барановской, языковеда, родившейся в крестьянской семье на Случчине. После окончания литературно-лингвистического факультета БГУ в 1934 г. А. Барановская пришла работать в Институт языка и литературы АН БССР. В августе 1937 г. она была арестована и 29 октября того же года приговорена к высшей мере наказания [6, с. 101].

В 1930-е гг. либеральную составляющую в государственных стратегиях в отношении женщин отбросили. Ликвидировали (в 1929 г.) сеть *женотделов*, прекратили дебаты по «женскому вопросу». Эмансипацию женщин провозгласили достигнутой, а женский вопрос — решенным. Семья получила наименование социалистической. Точку в этом вопросе поставило постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи женщинам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [7]. Аборт стал криминален. Добиться развода стало намного трудней и дороже. Конституция СССР 1936 г. и Конституция БССР 1937 г. формально закрепили равенство прав женщин и мужчин во всех сферах жизни и деятельности: «Жанчыне ў БССР прадастаўляюцца роўныя правы з мужчынамі ва ўсіх галінах гаспадарчага, дзяржаўнага, культурнага і грамадска-палітычнага жыцця» [8, с. 24]. Действительность была значительно сложнее и драматичнее.

Всеобщее бесправие для женщин усугублялось развертыванием маховика двойной эксплуатации дешевого женского труда в народном хозяйстве и бесплатного по обслуживанию семьи. Несмотря на введенную практику резервирования мест для женщин в структурах представительной власти разных уровней, для руководства страны было очевидно выгодным поддерживать имидж несамостоятельности женщин, таким образом, нуждавшихся в политическом руководстве. Женщины не стали влиятельными субъектами

социальных перемен, но были востребованы как жизнеобеспечивающий фактор нового строя. Индустриализация сделала дефицитной рабочую силу, но ресурсы пополнения рабочего класса мужчинами были исчерпаны. В связи с этим первый пятилетний план был ориентирован на максимальное использование женских рабочих кадров. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» предложило исходить из необходимости «увеличения применения женского труда в тяжелой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т. д.)», «максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности», «максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шоферы и т. д.)» [10, с. 273]. В связи с новыми задачами началось массовое вовлечение женщин в производство, в том числе за счет выходцев из села. Уже в 1929 г. работницы в составе промышленных рабочих составляли 36,6 % [11, с. 8]. Несмотря на то, что советская власть декларировала равную оплату мужского и женского труда, даже официальная довоен-

ная статистика свидетельствует, что у женщин она была ниже. На положении подневольной у государства оказалась сельская женщина. Для нее, лишенной права на перемещение (только в 1960-е гг. колхозникам стали выдавать паспорта), авторитет государства олицетворял председатель колхоза. 98 % председателей, 98,8 % заведующих ферм, 94,5 % бригадиров в колхозах были мужчины, эта пропорция сохранялась вплоть до начала 1990-х гг. Власть в деревне всегда имела мужской облик, а работа в поле и на ферме — женский: мужчин в деревне становилось все меньше. Из более 600 тысяч репрессированных уроженцев Беларуси почти 68 % были из крестьян [12, с. 29]. В хозяйствах оставались жены, матери и дети.

Больно отразились на укладе жизни женщин последствия Великой Отечественной войны. Преобладание в структуре людских потерь мужчин нарушила пропорции между мужским и женским населением. Многие остались вдовами, трудились в условиях послевоенной разрухи и одни воспитывали детей. К 1950 г. женщины составили 45 % всех занятых в народном хозяйстве, что было на 5 % больше, чем в 1940 г. [13, с. 220] На селе основной трудящейся силой являлась крестьянка. Ее двойная нагрузка — общественное хозяйство и дом — усиливалась работой в приусадебном хозяйстве. Беременные и больные выходили на тяжелые работы даже с высокой температурой. Женщинам приходилось из-за нехватки техники, лошадей, мужских рук самим впрягаться в плуг, борону, чтобы обработать землю и вырастить урожай. Труд в колхозе фактически не оплачивался. На 1 января 1948 г. 94 % колхозников вообще не получили денежной оплаты за выработанные трудовые дни. (Только с 1966 г. колхозы стали переходить к гарантированной оплате труда.) Приусадебное хозяйство являлось основным источником доходов семей колхозников. В то же время налоговая система выметала все произведенное как в общественных, так и в приусадебных хозяйствах.

В свою очередь, государство уже в первое послевоенное десятилетие настойчиво призывает женщин к трудновыполнимому: больше рожать детей, но *не нарушать* традиционный гендерный порядок — дети должны появляться в официально зарегистрированных брачных союзах. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» увеличил оплачиваемый отпуск по беременности и родам работающим женщинам с 63 до 77 календарных дней. С шестого

месяца беременности и кормящим матерям на протяжении четырех месяцев в два раза увеличили нормы дополнительного продовольственного пайка [14]. Эти меры не затронули сельских женщин, хотя именно они рожали много детей. Однако только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов, все фактические браки Указ приравнивал к внебрачным связям. В целях стимулирования рождаемости повысили налог с холостяков, одиноких и малосемейных граждан. При отсутствии детей им облагали каждого с 20-летнего возраста — мужчин до 50 лет и женщин — до 45 лет в размере 6 % от заработка, а при наличии 1-го и 2-х детей — соответственно 1 и 0,5 %. Но это не помогло достичь довоенного уровня рождаемости. В 1950 г. по сравнению с 1940 г. она уменьшилась на 5 % [15, с. 22]. Не повлиял на рост рождаемости и продолжавший действовать запрет на аборт, число которых увеличивалось и в городе, и на селе за счет нелегальных операций.

В середине 1950-х гг. после смерти Сталина и смены политического курса страны отмечается возврат в полном объеме и к *либерально-патерналистской* политике государства в отношении женщин, начавшейся осуществляться сразу после революции. Первым сигналом либерализации стала легализация в ноябре 1955 г. производства абортов. Увеличили государственное пособие женщинам на содержание и воспитание детей до достижения ими 12-летнего возраста. Закон от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» дал женщинам (рабочим и служащим) право на пенсию по старости в 55 лет, т. е. на 5 лет раньше мужчин, при наличии меньшего стажа работы. Дополнительные льготы предоставили женщинам, родившим 5 и более

детей и воспитавшим их до 8-летнего возраста. Эти женщины получили право на пенсию по достижении 50 лет [16]. Однако названные меры не коснулись работников колхозов: только с 1965 г. они были приравнены к остальным гражданам страны. При этом пенсионный возраст колхозников — и женщин, и мужчин — был выше на 5 лет, и лишь с 1968 г. он был приравнен к пенсионному возрасту рабочих и служащих. В 1957 г. страна перешла на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными днями, что при сохранении распределения гендерных ролей должно было расширить возможности женщин заниматься воспитанием детей. Однако рождаемость в 1960 г. по сравнению с 1950 г. вновь уменьшилась на 4 % [15, с. 22], что вынудило принять новые стимулирующие меры. Кодекс о браке и семье БССР 1969 г. закрепил право матери, не состоящей в браке, на получение пособия на содержание и воспитание ребенка и не позволял мужу без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение первого года после рождения ребенка [17].

С середины 1960-х гг. в связи с ускоренным формированием сети новых научных учреждений, усложнением производства, возросшим спросом на специалистов с высшим образованием началась вторая «волна» феминизации сфер образования и интеллектуального труда. Однако низкий уровень оплаты труда специалистов не способствовал получению высшего образования мужчинами, и около половины выпускников вузов составили студентки. Темпы роста образовательного уровня женщин были выше, чем у мужчин. В 1985 г. из 1000 женщин, занятых в народном хозяйстве Беларуси, 779 имели высшее и среднее образование по сравнению с 748 мужчинами [18, с. 23]. Так женщины расширили свое присутствие в химии, биологии, географии, медицине, сельском хозяйстве, архитектуре, фармакологии, во всех гуманитарных отраслях знания (кроме истории), составив более половины кадров этих областей. Мужчины по-прежнему преобладали лишь в физике, математике, механике и астрономии. Новый КЗОТ БССР 1972 г. расширил охранительное в отношении женщин законодательство. Он запретил отказывать женщинам в приеме на работу и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до 14 лет. КЗОТ запрещал

ночной труд, ограничивал сверхурочные работы и направление в командировки беременных женщин и имеющих детей от 3 до 14 лет, закреплял нормы переноса и передвижения тяжестей женщинами, предоставлял работающим женщинам, имеющим 3 или более детей в возрасте до 12 лет, право на дополнительный однодневный оплачиваемый отпуск [19]. В 1975 г. была установлена 100 % оплата по беременности и родам работающим женщинам независимо от их трудового стажа, а также было увеличено количество оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком. Расширение охранительного в отношении женщин законодательства, несомненно, было реакцией государства на двойную эксплуатацию женщин — в семье и на работе. В 1970 г. женщины составили 52 % от всех занятых в народном хозяйстве, в 1975 г. — 53 %. Эта пропорция сохранялась на протяжении всего позднесоветского периода [24, с. 137; 26]. В то же время при росте применения женского труда в разных отраслях увеличилось его использование на вредном для здоровья производстве. К середине 1980-х гг. на предприятиях министерств стройматериалов, местной, лесобумажной промышленности, а также в сельском хозяйстве более 200 тыс. женщин трудились в неблагоприятных условиях [20, с. 71]. Эксплуатации женского труда на вредных производствах не мешало наличие в КЗОТ БССР статей, ее ограничивавших. На большинстве предприятий женщин не освобождали от работ с вредными условиями труда даже на период беременности. В этом отношении равноправие, зафиксированное Конституцией БССР 1978 г., было достигнуто: «Жанчына і мужчына маюць у Беларускай ССР роўныя правы» [21, с. 15].

В то же время официальная гендерная идеология и патриархатные стереотипы легитимировали практически полное освобождение мужчин от обязанностей по поддержанию дома. Конституция страны констатировала, что осуществление равных прав мужчин и женщин «забяспечваецца стварэннем умоў, якія дазваляюць жанчынам спалучаць працу з маця-

рынствам» [21, с. 15]. Институт *отцовства* игнорировался на всех уровнях, начиная с конституционного и заканчивая бытовым сознанием. Частная сфера бытоустройства была без остатка зарезервирована за женщинами. Обследование в 1985 г. бюджета времени семей показало, что женщины в рабочие дни на работу по дому тратили в 3 раза больше времени, чем мужчины [22, с. 32]. В конце 1980-х гг. специалисты с тревогой заговорили о кризисе семьи и заметном снижении рождаемости. Если в 1965 г. на 1000 жителей Беларуси приходилось 24,4 родившихся, в 1970 — 16,2, в 1985 — 16,5, то в 1990 — только 13,9 человек. Снизилось число женщин, родивших 3-х и более детей. В 1970 г. они составляли 25,4 %, в 1980 — 12,2 %, в 1991 — 9,1 % [15, с. 22]. Одновременно выросло число женщин, не имевших детей. Такая тенденция способствовала дальнейшему сокращению размера семей, который снизился с 3,7 человек в 1959 до 3,2 в 1989 г. [15, с. 22]. Еще больше снизился средний размер сельской семьи. Уже в 1979 г. он сравнялся с городской и составил 3,3 человека, а в 1989 г. уменьшился до 3 человек [15, с. 22]. Увеличилось количество неполных семей. Если в 1970 г. в Беларуси было зарегистрировано 17 тыс. разводов, то в 1985 г. — 31 тыс. Распадался каждый третий брак. Росло число монородительских семей в связи увеличением количества женщин, отдавших предпочтение рождению ребенка без вступления в брак. В общем числе новорожденных в 1980 г. 6,4 %, а в 1990 г. 8,5 % составляли дети матерей-одиночек. Кризис семьи, о котором с тревогой говорили специалисты, был кризисом *патриархатной* семьи, из которой все чаще бежали сами женщины. Основная масса разводов инициировалась именно женщинами. И все чаще женщины были готовы рожать детей без опоры на мужчину, тем самым бросая вызов не только самому институту традиционной семьи, но и социальным стереотипам.

В поздний советский период окончательно оформился *гендерный контракт работающей матери* и было подорвано значение *гендерного контракта мужчины-добытчика*. Несмотря на прочно связанную с женщинами дефиницию «слабый пол», они, в отличие от мужчин, продолжали нести двойное бремя нагрузок. Поэтому к началу 1990-х гг. парадоксальная задача состояла не в том, чтобы адаптировать идею равенства мужчин и женщин в общественном сознании, а в том, чтобы *разрушить миф о достигнутом равенстве*. Повторяемый десятки лет тезис о «решенности женского вопроса в СССР» и равенстве женщины с мужчинами сыграл с нашими женщинами, как и с общественным сознанием нации, злую шутку. Общество, освободившееся от пут тоталитарной идеологии, пребывало в уверенности, что дискриминации женщин в нашей стране нет. Однако когда в 1989 г. был отброшен принцип обязательного нормированного представительства женщин в избираемых органах, сразу рухнул и декоративный фасад активного женского участия в делах общества. Более того, оказалась скомпрометированной сама идея этого участия, а вместе с ней — и идея женской эмансипации, которую стали выдавать за составную часть даже не левой, а большевистской политической культуры. К началу 1990-х гг. перед исследователями встала задача показать, как именно действовала политика советских идеологов и законодателей, успешно передавших государству функцию патриархатного покровительства над женщиной, показать, как государство использовало женщин для решения общих экономических и демографических задач.

Республика Беларусь: гендерный контракт равных статусов? Распад СССР вновь поставил вопрос о равенстве полов. Изменился социально-политический контекст: административная патерналистская власть государства оказалась поколебленной. Его патерналистские функции сохранялись, но лишь номинально — в казне не было средств для обеспечения женских «льгот и привилегий» хотя бы на прежнем уровне. Структуры, обеспечивающие возможность совмещения женщинами материнской и профессиональной функций, оказались подорванными: закрывались детские сады, внешкольные учреждения, оказалась в кризисе система социальной помощи и социальной работы. Новые политические и социальные обстоятельства стали вызовом прежде всего для женщин, поскольку именно на них выпадали основные трудности по совмещению функций родительства и профессиональной реализации. Между

тем именно эта система десятки лет обеспечивала стабильность гендерного контракта, в котором женщины занимали неравное, неизменчивое социальное положение. На мой взгляд, данное обстоятельство стало решающим в пересмотре позиций в вопросе патронирующей роли государства в отношении *материнства*. В Конституции 1994 г.² (а затем в ее редакции 1996 г.) появляются нововведения: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» (ст. 32, ч.1). Впервые Конституция не подменила понятие *родительство* понятием *материнство*, но сказала о защите и материнства, и *отцовства*. Развитие этой идеи прослеживается и в Трудовом кодексе. Включенные в Конституцию положения в отношении гендерного равенства корректно отразили прогрессивное видение вопроса.

Системный кризис 1990-х гг. обусловил третью «волну» феминизации ряда отраслей и учреждений, в том числе — образования и интеллектуального труда. Падение жизненного уровня снизило популярность высшего образования среди мужчин и способствовало дальнейшему увеличению числа женщин в контингенте студентов и преподавателей вузов. Уменьшение реальной заработной платы работников образования, науки, культуры привело к оттоку из них части мужчин. Это расширило возможности женщин, которые в силу меньшей профессиональной и территориальной мобильности оставались на своих рабочих местах. Естественным образом *женщины оказались в сферах*

деятельности, ставших низкооплачиваемыми и непрестижными. Тем самым подтверждался важный тезис, выдвинутый критиками патриархатной системы: с одной стороны, высокая степень концентрации женщин в определенных профессиональных нишах является отражением процесса утраты материальной престижности труда в них, а с другой стороны, происходит и символическое девальвирование самого факта трудовой занятости в этих (женских) сферах. Тем не менее женщины, вынужденные соглашаться на плохо оплачиваемую, но интеллигентную работу, не только осознали ценность профессионализма на основе высшего образования, но и выиграли, обеспечив в перспективе повышение своего статуса на рынке труда.

В результате вышеописанных процессов Беларусь оказалась в ряду относительно немногочисленной группы стран, в которой женщин с высшим образованием больше, чем мужчин: по переписи 1989 г. — 51,7 % и по переписи 1999 г. — 53,8 % [27, с. 66]. На конец 2005 г. женщины имели более высокий образовательный уровень, соответствующий вузовским стандартам, в таких отраслях, как лесное хозяйство (в своих гендерных группах 24,1 % женщин и 11,1 % мужчин), сельское хозяйство (соответственно 11 % и 9 %), строительство (31,4 % и 14,5 %), транспорт (17,6 % и 11,9 %), материально-техническое снабжение и сбыт (26,2 % и 20,3 %), общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка (61,3 % и 54,6 %), геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая служба (43,8 % и 33,9 %), прочие виды деятельности в сфере материального производства (29,4 % и 27,0 %), жилищно-коммунальное хозяйство (13,2 % и 10,6 %). В ряде отраслей сложился примерный образовательный (напомним, по наличию высшего образования) паритет женщин и мужчин: образование — 49 % и 47,9 %, культура — 32,9 % и 31,4 %, в системе заготовок — 10,9 % и 10,2 %, промышленность — 16,2 % и 17,6 %, в операциях с недвижимым имуществом — 35 % и 35,6 %, науке и научном обслуживании — 62,2 % и 63,7 %, в общественных объединениях (60,3 % женщин и 60,9 % мужчин). В то же время образовательный уровень женщин, занятых в ряде важных сфер экономической жизни, заметно уступает показателям мужчин. Это относится к таким отраслям, как финансы, кредит и страхование (44,5 % женщин и 58,6 %

² Непосредственно вслед за принятием 12 июня 1990 г. Российской Федерацией Декларации о государственном суверенитете 27 июля 1990 г. Верховный совет БССР принял Декларацию о государственном суверенитете Республики Беларусь и в 1991 г. сформировал рабочую группу по разработке проекта Конституции, которая была принята 15 марта 1994 г.

мужчин), связь (15 % и 25,6 %), торговля и общественное питание (18,4 % и 33,1 %), информационно-технического обслуживание (58,1 % и 74 %), непроизводственные виды бытового обслуживания (10 % и 22,8 %), здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение (16,1 % и 37,7 %) [27, с. 101—104; 28, с. 134—135].

Женщины монополизировали учительскую сферу. В учебных учреждениях Министерства образования женщины составляли в 1995 г. 81,3 % и в 2005 г. — 84 % персонала. В эти годы значимым был удельный вес женщин во всех должностных категориях. Они занимали 90,6 % и 93,6 % должностей директоров начальных школ; 45,1 % и 59,2 % — директоров базовых школ; 39,3 % и 52,7 % — директоров средних общеобразовательных учреждений; 81,1 % и 93,3 % — заместителей директоров базовых школ; 86,9 % и 93 % — заместителей директоров средних общеобразовательных учреждений; 98,7 % и 99,3 % — учителей 1—4 классов; 84,8 % и 87,7 % (2003 г.) — учителей 5—11 классов [28, с. 164—165]. Еще более наглядно рост влияния женщин внутри системы общего образования представляют данные о падении удельного веса мужчин в таком определяющем сегменте руководителей, как директора базовых и средних общеобразовательных школ. Данные свидетельствуют, что удельный вес мужчин в

общем числе соответствующих руководителей с каждым годом снижается. Директора-мужчины базовых школ составляли: в 1990 г. — 60 %, в 1995 — 54,9 %, в 2000 — 47,3 %, в 2005 — 40,8 %. По директорам средних школ показатели несколько выше, но динамика все же отрицательная: в 1990 г. — 66,1 %, в 1995 — 60,7 %, в 2000 — 52,4 %, в 2005 — 47,3 % [29, с. 164]. Из приведенных данных следует вывод — феминизация народного образования стала свершившимся фактом. Оценивая укрепление позиций женщин в народном образовании как безусловно положительное достижение, следует одновременно отметить и определенные негативные последствия сужения поля деятельности мужчин в школьной сфере.

Изменения коснулись и структуры профессорско-преподавательского персонала вузов всех ведомств: в них заметно выросла, превысив 50-процентный рубеж доля женщин-преподавателей. С 1988 по 2005 г. профессорско-преподавательский персонал количественно увеличился с 18 766 до 23 320 человек, причем рост коснулся преимущественно женского сегмента: мужчин стало больше на 434 человека, женщин — на 2098 [29, с. 191; 28, с. 160]. В пользу женщин изменилось и процентное соотношение, увеличившееся с 49,7 % до 50,3 %. С 1988 по 2005 г. количество женщин — профессоров кафедр увеличилось с 141 до 218, а их доля по отношению к общему количеству профессоров с 14,6 % до 17,7 %; женщин-доцентов — с 2133 до 2634 и соответственно — с 38,1 % до 44,9 %; женщин-старших преподавателей — с 2236 до 3152 и в процентном соотношении — с 53,8 % до 61,2 %; женщин-преподавателей и ассистентов — с 3134 до 4588 и соответственно с 63,2 % до 68,6 % [29, с. 191; 28, с. 160; 27, с. 77]. Очевидно, что количественное преобладание женщин достигнуто пока только за счет низших служебных ступеней. Неудивительно поэтому, что женщины остаются в меньшинстве среди представителей административно-научной власти. В 2005 г. в государственных вузах Беларуси женщины в составе заведующих кафедрами составляли 28,5 %, деканов и заместителей деканов 24,6 %, ректоров, проректоров и директоров филиалов 15,1 % [28, с. 160].

Выровнялся баланс научного контингента. Начавшаяся научная эмиграция и отток мужчин из учреждений науки расширили возможности женщин-ученых. В 1997 г. во всех областях науки работало 10 368 мужчин и 9230 женщин, в том числе мужчин со степенью кандидата наук 2769 человек, женщин — 1332. К 2005 г. мужской сегмент сократился на 869, женский — всего на 171 человека. В связи с этим изменился удельный вес мужчин и женщин с кандидатскими степенями в общей массе: в 1997 г. кандидаты наук мужчины составляли 14,1 %, в 2005 — 11,3 %, кандидаты наук женщины — 6,8 % и 6,4 % соответственно. Отток части мужчин особенно затронул естественные, технические, сельскохозяйственные и медицинские науки. В 1997 г. в этих отраслях были заняты 2479 кандидатов наук — мужчин, а в 2005 г. — 1835 человек. Даже в общественных и гуманитарных науках наметилось сокра-

щение числа мужчин с кандидатской степенью с 290 до 273 человек [подсчитано автором по: 29, с. 188—189; 28, с. 159]. И все же в научном сообществе женщины по-прежнему должны прилагать особые усилия и демонстрировать особенно высокие результаты, чтобы получить научное признание. Это удавалось немногим. За всю историю существования Национальной академии наук Беларуси (по состоянию на 2000 г.) действительными членами были избраны только две женщины — российский историк А. М. Панкратова (1940) и белорусский генетик Л. В. Хотылева (1980). Членами-корреспондентами стали семь женщин — микробиолог Н. И. Астапович (1996), медик Т. В. Бирич (1972), историк Н. В. Каменская (1959), математик Ф. М. Кириллова (1996), агрохимик Т. Н. Кулаковская (1969), языковед Ю. Ф. Мацкевич (1969), биохимик М. Т. Чайка (1991). Объяснения этому могут выглядеть следующим образом.

Важную роль в деятельности исследователя играет его включенность в систему научных коммуникаций, так как для достижения высоких результатов необходим постоянный обмен информацией. У специалиста с низким научным статусом мало шансов влиться в неформальную сеть научного общения: он никому не интересен, поскольку не является носителем высококлассной информации и не обладает достаточными организационными возможностями. В такой ситуации оказывается большинство женщин-ученых, и им приходится прилагать гораздо больше усилий, чем их коллегам-мужчинам, чтобы войти в сообщество, участие в котором обеспечивает не только обмен информацией, но получение поддержки. Практически во всех странах все уровни управления контролируются мужчинами. Женщинам приходится постоянно доказывать свою способность работать на должном уровне, добиваться признания своих достижений и поддержки своих исследований. В науке действует закон накапливаемого преимущества. Социальные механизмы научного сообщества функционируют таким образом, что без каких-либо злоупотреблений тот, кто уже добился успеха, перемещается в верхние слои стратификационной системы науки и вместе с признанием получает расширенный доступ к ресурсам, необходимым для исследований (финансам, информации, международным контактам, компетентным помощникам). Непризнанный ученый, находящийся на нижних ступенях стратификационной структуры, должен добиваться необходимых ресурсов с невероятными трудностями и невысокими шансами на успех. Женщины, обычно остающиеся в нижних слоях научного сообщества, с большим трудом вписываются в эту восходящую спираль накапливаемого преимущества.

С распадом СССР перегруппировка участников на политическом поле и отказ от мер по поддержанию гендерной симметрии в органах представительной власти без промедления продемонстрировали, что в политике женщины не являлись «игроками» на своем поле. В начале 1990-х гг. резко снизилось их участие в представительных органах власти на всех уровнях — национальном, областном, городском, районном, сельском. Например, в Гомельской области в областном совете народных депутатов доля женщин упала с 48 % (по итогам выборов 1985 г.) до 11 % в 1990; в районных советах — с 49 % до 23 %; в сельских советах — с 50 % до 34 % [30, с. 19]. Законодательный орган страны, в свою очередь, немедленно приобрел исключительно мужской облик: женщины составили соответственно лишь 3 % и 4 % среди депутатов однопалатного Верховного Совета 12-го (1990—1995) и 13-го созывов (1995—1996). В то же время в 1990 г. Комиссия Организации Объединенных Наций по статусу женщин посчитала приемлемым минимумом их представленности отметку в 30 %.

В Палату представителей Национального собрания первого созыва (1996—2000) избрали всего пять женщин-депутатов (или 4,5 %), трое из них стали заместителями председателей постоянных комиссий (по национальной безопасности; по проблемам черныбыльской катастрофы, экологии и природопользованию; по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу). Еще одну женщину включили в состав постоянной Комиссии по международным делам и национальной безопасности. Тем самым женщины становились заметней в работе законодательного органа. Удручающе низкое представительство женщин несколько

сгладило делегирование от областей и назначение президентом 18 женщин (28,6 % от общего количества) в Совет республики Национального собрания. Фактический произошел возврат к нормированному представительству женщин (принцип, который в дальнейшем будет соблюдаться при комплектовании верхней палаты), ранее у многих вызывавшему сомнение. Т. Н. Дудко стала заместителем председателя Совета республики. И. М. Дробышевскую избрали председателем Постоянной комиссии по социальным вопросам; трех женщин — заместителями председателей постоянных комиссий (по

законодательству и государственному строительству; по социальным вопросам; по региональной политике) [31; 32, с. 246—255].

Трансформация социально-политической системы белорусского общества привела к некой растерянности в рядах женской части населения в отношении перспектив, за которые следует бороться. Ярмо гендерного контракта работающей матери многие желали бы сменить контрактом женщины-домохозяйки, плохо себе представляя его потенциальные ловушки. Неудивительно, что в первую постсоветскую декаду женщины не смогли четко артикулировать свои интересы и проявить профессиональные компетенции в политической игре. На протяжении всех 1990-х гг. они продолжали безусловно проигрывать мужчинам не только по представленности в органах законодательной власти, но и в целом по их «видимости» на сцене общественной жизни. Но эти годы не были для них потерянными. В первое постсоветское десятилетие возникло несколько десятков женских организаций. Их лидерами во многих случаях оказались чрезвычайно активные в прошлой политической системе функционеры КПСС и комсомола. Данное обстоятельство не удивительно: «официальные» представители женщин в структурах власти были подготовлены к активной общественной деятельности всей своею предшествующей жизнью и навыками организаторской работы среди населения. Идеологическим обеспечением политической активности женских организаций на первом постсоветском этапе явились критические замечания в адрес государственной политики и признание того, что в Советском Союзе было не фактическое, а формальное равенство женщин и мужчин. Содержанием их деятельности стала защита женских интересов, наполнение и объем которых в новых условиях не были до конца осознаны, но в качестве центрального выступал эссенциалистский тезис о «естественном предназначении» женщины, всегда вызывавший острую критику со стороны феминистского сообщества.

Тем не менее в 1990-е — начале 2000-х гг. женское движение при кажущейся незначительности достижений сыграло позитивную роль. Наибольшего развития на этом этапе достигли организации, которые не только поддержали традицию официального женского движения советского времени, но и сделали существенный шаг вперед, сумев превратиться в реальный феномен общественной жизни. Деятельность женских организаций Беларуси вышла за рамки исключительно социально-благотворительной работы. Активные женщины-лидеры получили шанс заявить о своих правах на реальное участие в политической жизни, возможность пройти школу политической социализации в различных организациях. Это позволило сохранить женское лидерство как феномен политики. Общественная жизнь страны стала более разнообразной. Со второй половины 1990-х годов женские организации начали проводить серьезную работу по мобилизации и обучению женщин в качестве будущих лидеров и осознанию себя важной составной частью электората страны. С другой стороны, активизации женщин в электоральной политике заметно способствовал и административный ресурс — заявленная в выступлениях главы государства поддержка расширению участия женщин в представительных органах: «...должны быть здесь представлены и ветераны, и молодежь, и особенно женщины. Женщин в парламенте не должно быть меньше 30—40 %. Тогда парламент будет стабильным, спокойным. Поэтому я буду всячески поддерживать тенденцию на большее присутствие в парламенте женской части нашего общества. Попрошу и органы власти на местах поддерживать эти процессы...» [33]; «...надо создавать все условия, чтобы женщина и при наличии детей могла активно и плодотворно работать, участвовать в

общественной жизни и в управлении государством» [34]. В условиях сильной президентской власти отношение лидера к тем или иным проблемам играет особую роль.

За президентской риторикой внимательно следят управленцы. В этом свете закономерным выглядит заявление секретаря Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов Н. Лозовика, сделанное в ходе подготовки к выборам в Палату представителей четвертого созыва: «Теоретически идеальный парламент должен отображать социальную структуру населения государства. На сегодня женщин в Беларуси больше, чем мужчин, соответственно и в Национальном собрании должны преобладать представительницы прекрасного пола» [35, с. 10]. Одновременно на местах и само население стало лояльнее относиться к выдвижению женщин в выборные органы власти. Позитивное отношение к женщинам-кандидатам стало вытеснять стереотип «в политике женщинам нет места».

Эта новая тенденция проявила себя активным выдвижением женщин в качестве кандидатов на выборах в представительные органы власти. В 1999 г. в местные Советы депутатов избрали 8827, а в 2003 г. — 10 422 женщины. Это составило соответственно 37 % и 44,4 % от численности депутатского корпуса. Выборы 2000 г. привели в Палату представителей 14 (13,5 %), а выборы 2004 и 2008 гг. — 32 (28,2 %) и 35 (31,8 %) женщин соответственно. Утвердился принцип относительно сбалансированного представительства женщин в Совете Республики (около 30 % от депутатского корпуса всех созывов). Таким образом, потребовалось 15 лет, чтобы впервые за годы суверенитета женщины составили почти 30 % депутатского корпуса обеих палат парламента страны: именно этот показатель вслед за ООН Межпарламентский союз признал как пороговый, начиная с которого женщины получают возможность влиять на политические решения. Значительное увеличение числа женщин в депутатском корпусе привело к их более весомому влиянию на работу постоянных комиссий обеих палат.

Высокий образовательный потенциал и накопленный опыт деловой и общественной работы позволил женщинам занять весомое место в органах государственного управления. В 2005 г. из 52 796 государственных служащих женщин было 34 931, или 66,0 %. Их удельный вес в республиканских органах составил 56,8 %, в областных и г. Минске — 56,8 %, в районных и городских — 73 %, в сельских и поселковых исполнительных комитетах — 74,4 % [28, с. 148—150]. Но женское представительство подчинялось закономерности: концентрация женщин увеличивалась на нижних и понижалась на верхних этажах властных структур. Соответственно внутри каждой структуры женщин было больше на рядовых управленческих должностях и меньше — на руководящих. На этом фоне значительно медленнее шло продвижение женщин в высшие эшелоны исполнительной власти. На протяжении 1990-х — начала 2000-х гг. правительство республики, за редкими исключениями, состояло исключительно из мужчин. Например, в 1995 г. только две женщины занимали пост министра (социальной защиты и здравоохранения), семеро — заместителей министра (юстиции, образования, статистики, социальной защиты, промышленности, архитектуры и строительства, энергетики) [30, с. 17]. В 1997 г. в Совете Министров не было ни одной женщины; должности заместителя министра занимали десять женщин — в министерствах архитектуры и строительства, здравоохранения, иностранных дел, промышленности, связи и информатики, социальной защиты, статистики и анализа, топлива и энергетики, труда, юстиции. В 2000 г. в Совете Министров была только одна женщина — министр социального обеспечения (О. Даргель); должности заместителя министра занимали десять женщин. В аппарате Совета Министров, где женщины составляли 29,4 %, только одна занимала должность заместителя начальника управления. В 2004—2005 гг. в Совете Министров были три женщины — министры труда и социальной защиты (А. П. Морова), здравоохранения (Л. А. Постоялко, 2002—2005), по налогам и сборам (А. К. Дейко); от 8 до 11 женщин занимали должности заместителя министра. Однако уже в 2007 г. в Совете Министров осталась только одна женщина (министр по нало-

гам и сборам А. К. Дейко). Что касается министерств и ведомств, то практически во всех (за исключением силовых) занятость женщин абсолютно и относительно возросла, а в 17 ведомствах превысила 50 %. Однако среди руководящих работников женщин гораздо меньше, их служебным потолком стали должности главных специалистов, начальников управлений.

Широко женщины оказались представлены в органах судебной власти: их доля среди судей составляет 46,4 %, адвокатов — 62,9 %, государственных нотариусов — 93,4 %. Не составили исключения и высшие судебные учреждения. С 1997 по 2007 г. судьями Конституционного суда являлись 5 женщин. В составе Конституционного суда, сформированного в 2008 г., было четыре женщины: три из них (Л. Г. Козырева, В. В. Подгруша, О. Г. Сергеева) были назначены президентом [36], а одна (Т. С. Бойко) избрана Советом Республики [37]. В составе 20 членов Высшего хозяйственного суда насчитывается семь женщин; одну из трех должностей заместителя председателя занимает женщина [38].

Женщины составили значительную часть управленческого сектора народного хозяйства и культуры. В конце 2005 г. во всех отраслях народного хозяйства Беларуси работало 2 112 589 женщин и 1 881 687 мужчин, из их числа статус руководителя имели 8,6 % женщин и 11,5 % мужчин [27, с. 91, 93]. Конкретизация этих обобщенных данных показывает сложную структуру властных взаимоотношений в отраслях народного хозяйства и культуры. Из 21 зафиксированной статистикой отрасли в 12 большинство руководящих должностей принадлежало мужчинам, в 9 — женщинам. Из общего числа руководящих должностей женщины занимали: в сфере культуры 75 %, в образовании — 70 %, в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении — 63 %, в искусстве — 52 %. В этих отраслях женщины-руководители уже давно утвердились на различных уровнях служебной иерархии, но подвижки произошли и в таких областях, где прежде мужское доминирование было неоспоримым. В системе связи женщинам принадлежали 73 % должностей руководителей, в непроизводственных видах бытового обслуживания населения — 62 %, в сфере заготовок — 60 %, в торговле и общественном питании — 58 %. Женщины с 44 % занятых руководящих должностей значительно приблизились к паритету с мужчинами в информационно-вычислительном обслуживании народного хозяйства. Активную роль начали играть женщины в ряде отраслей рыночной экономики. В системе, по официальной терминологии, общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка им принадлежали 43 % и в операциях с недвижимым имуществом — 44 % руководящих должностей. Иная ситуация в сфере материального производства. Здесь на долю женщин приходилось 36 % руководящих должностей в промышленности, 41 % в сельском хозяйстве, 14 % в лесном хозяйстве, 24 % в строительстве, 26 % на транспорте, 41 % в геологии и разведке недр, геодезии и гидрометеорологии, 36 % в организациях материально-технического снабжения и сбыта [27, с. 91—94]. Но значимость этих достижений снижается тем, что «женские» отрасли в народном хозяйстве и участие женщин в управленческой деятельности экономических и государственных органов дают им преимущество только на нижних и средних ступенях иерархической лестницы, исчезающее по мере повышения управленческого уровня.

Женщины занимают отдельные ответственные должности в аппарате президента (Н. В. Петкевич в 2004—2008 гг. — заместитель, с 2009 г. — первый заместитель главы администрации), в правительстве, являются руководителями крупных компаний, банков, принимают активное участие в бизнесе. Однако женщины ни разу не являлись первыми лицами в государственной иерархии. Ни одна женщина не работает председателем областного исполкома. Препятствия, тормозящие процесс вхождения женщин в верхние слои политической и управленческой элиты, по-прежнему сильны, хотя уже и не являются непреодолимыми.

Прогрессивные подходы к проблеме гендерного равноправия присущи принятым Гражданскому (1998), Кодексу о браке и семье (1999), Трудовому, Уголовному кодексам. Трудовой кодекс закрепил дополнительные гарантии отцам, опекунам, другим родственникам ребен-

³ Основы законодательства СССР и союзных республик о труде 1970 г., ст. 71, а также КЗОТ БССР 1972 г., ст. 1721 распространяли льготы на отцов и опекунов по уходу за ребенком, если мать находилась в стационарном медицинском учреждении или умерла. Использование частично оплачиваемого отпуска и дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребенком полностью или частично отцом, бабушкой, дедушкой или другим родственником, фактически осуществляющим уход за ребенком, впервые предусматривалось в соответствии с новой редакцией Основ законодательства СССР и союзных республик о труде от 1990 г., а также изменений, внесенных в КЗОТ БССР 1972 г.

ка, в том числе отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет (ст. 271) ³. Кодекс о браке и семье предусмотрел ряд новых норм: заключение брачного контракта (ст. 13); недопустимость расторжения брака во время беременности жены и в течение 3 лет после рождения ребенка без письменного согласия супруги (ст. 35); проведение бракоразводного процесса только в судебном заседании (ст. 36); заключение супругами соглашения о детях для обеспечения прав и интересов ребенка (ст. 38). Принцип равенства полов последовательно проводят в жизнь все действующие в стране законы, в том числе законы «О занятости населения Республики Беларусь», «Об образовании», «О высшем образовании», «Об основах службы в государственном аппарате». В упрек республиканским законодательным актам можно поставить только одно: язык их текстов в ряде случаев андроцентричен. Например, использование в Конституции выражения «женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности» (ст. 32, ч. 5) подчеркивает факт признания со стороны государства прав мужчины в качестве «нормы» и необходимости подтягивать женщин до этой «нормы». Закодированность в текстах законодательных актов гендерной асимметрии проявляется также в преимущественном использовании грамматической формы мужского рода. Тем самым происходит «вытеснение женского на периферию языкового функционирования, а, следовательно, и языкового сознания» [39, с. 52], что потенциально может способствовать восприятию женской личности обществом как второстепенной, не имеющей самостоятельного значения.

Заключение. Подтверждается предположение о начале трансформации сложившейся в Беларуси в (поздне)советский период гендерной системы, основой которой выступал *гендер-ный контракт работающей матери*, и явившейся следствием преобладания *либерально-патерналистской* государственной политики в отношении женщин. Ее трансформации способствовали изменившаяся общественно-политическая ситуация и рост влияния новых идеологий. Уже в конце 90-х гг. XX в. наметился переход к новому типу государственной политики в отношении полов, а именно — к *гендерно-сбалансированному*, основанному на убежденности в том, что принцип равного представительства, равных прав и возможностей женщин и мужчин должен пронизывать все аспекты социальной жизни. *Гендерно-сбалансированный подход* заключается не в проведении отдельных мероприятий по достижению равноправия полов, а в переходе к самым широким мерам, способным изменить повседневную жизнь женщин и мужчин, политическую и административную культуру. Таким образом, в первое десятилетие 2000-

х гг. оформляются условия для складывания *гендерного контракта равных статусов* в качестве базового условия для дальнейшего устойчивого развития общества.

Три важных компонента наполняют антидискриминационные стратегии в отношении и женщин, и мужчин — дискурс равенства (риторика), антидискриминационное законодательство и практика равенства. Дискурс равенства проявляется в выдвижении убедительных обоснований, на основе которых может быть достигнуто и сформулировано общественное соглашение по основным принципам эгалитарной политики. Антидискриминационное законодательство в стране разработано; задача состоит в проведении в жизнь в полном объеме

уже имеющегося свода законов с тем, чтобы преодолевать особые обстоятельства, внутри которых имеют место различные типы дискриминации. Практика равенства должна осуществляться постоянно и заявлять о себе в разработке механизмов для осуществления эффективных действий, направленных на борьбу с дискриминацией во всех сферах общества. Все три компонента — риторика (дискурс равенства), антидискриминационное законодательство и практика равенства должны быть институализированы должным образом. Без этого прогресс может быть неопределенным и уязвимым перед изменяющимися обстоятельствами, такими как экономические спады и перемены в общественном мнении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mealey, L. Sex OйгерепсеБ: Developmental and Evolutkmary Strategies / L. Mealey. San Diego : San Diego Academrc Press, 2000. 308 p.*
2. Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск : Выданне Цэнтральнага Выканаўчага камітэту Б.С.С.Р., 1927. 58 с.
3. *Соколов, М. Н. Студенчество высшей школы Беларуси 20-х гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. Н. Соколов; УО «БГПУ имени Максима Танка». Минск, 2002. 107 с.*
4. *Статыстычны штогоднік: 1924—1925. Мінск : ЦСУ БССР, 1926. Вып. 1. 527 с.*
5. *Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М. :Наука, 1992. 256 с.*
6. *Касцюк, М. П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. Мінск : Экаперспек-тыва, 2000. 307 с.*
7. *Законодательство о правах женщин в СССР: сб. нормативных актов. М. : Юридическая литература, 1975. 222 с.*
8. *Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускай Савецкай Соцыялістычнай Рэспублікі. Мінск : Белпартвыдавецтва, 1937. 27 с.*
9. *Кодекс законов БССР о браке, семье и опеке: с изменениями на 1 сентября 1938 г. Минск : Госиздат Белоруссии, 1938. 67 с.*
10. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 4. 1926—1929. 9-е изд. М. : Политиздат, 1984. 575 с.*
11. *Шапіра, М. Узмацніць працу па вылучэнню работніц / М. Шапіра // Беларуская работніца і сялянка. 1930. № 15.*
12. *Кузнецов И. Репрессии на Беларуси в 1920—1940 гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ / сост. И. Кузнецов, Я. Басин; науч. ред. В. П. Андреев. Минск : Мемориал, 2007. Вып. 2. 377 с.*
13. *Народное хозяйство Белорусской ССР. 1975 г.: стат. ежегод. Минск : Беларусь, 1975. 334 с.*

14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
15. Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Национальный отчет. Минск : Представительство ООН / ПРООН в Республике Беларусь, 1997. 125 с.
16. Закон от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 15. С. 338—401.
17. Кодекс о браке и семье Белорусской ССР. Минск : Беларусь, 1969. 76 с.
18. Штрихи к портрету белоруски. Минск : Беларусь, 1985. 47 с.
19. Кодекс законов о труде Белорусской ССР // Сборник законов Белорусской ССР и указов Верховного Совета Белорусской ССР. 1938—1973: в 3 т. Минск: Беларусь, 1974. Т. 1. С. 480—548.
20. *Дерюго, Н. К.* Республиканское собрание партийно-хозяйственного актива по обсуждению проекта постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по перестройке здравоохранения / Н. К. Дерюго // Здравоохранение Беларуси. 1987. № 11. С. 71—72.
21. Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Прынята на нечарговай дзевятай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дзевятага склікання 14 красавіка 1978 г. Мінск : Беларусь, 1979. 46 с.

22. Дзеці і жанчыны Беларусі: сёння і заўтра. Нацыянальны даклад аб становішчы дзяцей і жанчын у Беларусі. Мінск : UNISEF, 1995. 118 с.
23. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 г. Стат. ежегод. Минск : Беларусь, 1986. 240 с.
24. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1980 г. Стат. ежегод. Минск : Беларусь, 1981. 295 с.
25. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1990 г. Стат. ежегод. Минск : Беларусь, 1991. 303 с.
26. *Терещенко, О. В.* Вверх по лестнице, ведущей вниз? Парадоксы эмансипации по-советски / О. В. Терещенко // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований / Ред. И. Р. Чикалова. Май, 2000. С. 4—6.
27. Женщины и мужчины Республики Беларусь. Стат. сб. Минск : Министерство статистики и анализа РБ, 2006. 143 с.
28. Труд и занятость в Республике Беларусь. Стат. сб. Минск : Гл. вычисл. центр Минстата РБ, 2006. 375 с.
29. Труд и занятость в Республике Беларусь. Стат. сб. Минск : Гл. вычисл. центр Минстата РБ, 2004. 407 с.
30. Национальный доклад о положении женщин в Республике Беларусь (К IV Всемирной конференции по положению женщин). Минск, 1995. 45 с.
31. Официальный сайт Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/mdex.php>. Дата доступа: 12.02.2008.
32. Парламент — Национальное собрание Республики Беларусь. Мінск: Фонд падтрымкі парламентарыяў, 1997. 279 с.
33. Послание Президента Беларуси Парламенту от 14 апреля 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: <http://president.gov.by/press10866.html#doc>. Дата доступа: 21.02.2008.
34. Доклад Президента на третьем Всебелорусском народном собрании 2 марта 2006 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики

Беларусь. Режим доступа: <http://president.gov.by/press24121.html#doc>. Дата доступа: 21.02.2008.

35. Минский курьер. 2008. № 153, 22 авг.

36. Указ Президента Республики Беларусь от 19 февраля 2008 г. № 95 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Республики Беларусь. Режим доступа: <http://ncpLgov.by/ConstSud/rus/>. Дата доступа: 23.02.2008.

37. Сообщение пресс-центра Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Республики Беларусь. Режим доступа: <http://ncpLgov.by/ConstSud/rus/>. Дата доступа: 23.02.2008.

3 8. Руководство Высшего хозяйственного суда [Электронный ресурс] // Официальный сайт Хозяйственного Суда Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.court.by/high-court/>. Дата доступа: 23.02.2008.

39. Толстокорова, А. «Лингвистическое выражение» гендера: результаты и перспективы демократических реформ / А. Толстокорова // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / под ред. И. Р. Чикаловой. Минск : БГПУ, 2004. Вып. 3. С. 50—71.

SUMMARY

The author makes an analysis of the approaches and strategies towards women's part of population, proclaimed in the different periods of the Belarusian history, gives classification of the types of the state gender policy in the Soviet and Post-Soviet Belarus. The author proves the supposition on the transformation of the formed in the late-Soviet period gender system that has resulted from prevailing of the liberal-paternal type of the state policy towards female gender. The gender contract of working mother was laid in its basis. The author demonstrates that the changed social-political situation, the growth of influence of the new ideologies furthered the transition to the new type of the state gender policy which is gender-balanced one. As the result of this new trend, the signs and the features of transformation of the late-Soviet gender system have become obvious. In the first decade of the 2000s the prerequisites have being emerged for constructing gender contract of equal statuses as the base condition for further steady developing of the society.